

ЛИНА ВЕЙ

ДОРОГА СМЕРТИ

18+

Лина Вей

Дорога смерти

«Автор»

2026

Вей Л.

Дорога смерти / Л. Вей — «Автор», 2026

Четверо друзей отправляются на уикенд к реке — обычная поездка, которую так долго откладывали. Лена, Марк, Клара и Том предвкушают отдых, не подозревая, что их маршрут уже кем-то выбран. Станный совет старика на заправке, необъяснимые сбои навигатора, ощущение чужого взгляда в чаще леса — первые тревожные знаки, которые они пытаются списать на случайность. Очень скоро дорога, казавшаяся самым быстрым вариантом, превращается в смертельную ловушку. Тропа уводит всё дальше от цивилизации, а за группой неотступно следуют те, кто знает эти места лучше любого путеводителя. Стрелы у палатки, зловещие силуэты между деревьями, пугающие находки в заброшенном домике — каждая новая деталь лишь усиливает ощущение, что они стали частью чужой, тщательно спланированной игры. Выжить удаётся лишь одной — Лене. Её показания звучат как кошмарный сон: о доме в чаще, о жутких трофеях, о троих охотниках с деформированными лицами, о том, как она подожгла дом и вырвалась на свободу.

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДОРОГА	7
Глава 1. Четверо	7
Глава 2. Последний город	9
Глава 3. Развилка	12
Глава 4. Машина	16
Глава 5. Лес	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лина Вей

Дорога смерти

Пролог

Объявление о пропаже

Газета лежала на краю стола — сложенная вчетверо, с заломом на сгибе, как будто её долго носили в кармане. Страница шестая, нижний правый угол, между рекламой адвоката по разводам и объявлением о продаже подержанного прицепа.

Четыре фотографии в ряд.

Снимки явно взяты из социальных сетей — у всех четверых то особое выражение лица, которое люди придумывают для камеры: чуть приподнятый подбородок, лёгкая улыбка, взгляд в объектив с ощущением, что момент стоит запомнить. На первом снимке — темноволосый мужчина лет тридцати, щурится от солнца. На втором — женщина с короткой стрижкой, смеётся, зубы белые и ровные. На третьем — девушка в очках, она одна смотрит не в камеру, а чуть в сторону, словно что-то отвлекло её в последний момент. На четвёртом — тоже женщина, темноглазая, светлые волосы убраны назад.

Под фотографиями — имена. Марк. Том. Клара. Лена.

Текст заметки короткий — восемь строк, набранных мелким шрифтом:

«Тела троих туристов, пропавших три недели назад в лесном массиве района "Зелёные Дыхания", обнаружены поисковой группой в пятницу утром. Личности погибших установлены. Четвёртый участник группы — Лена В., 27 лет — была найдена живой на трассе "Лунный Путь" в четверг ночью и доставлена в районную больницу. По имеющимся данным, она дала показания следствию. Дело закрыто. Обстоятельства гибели троих туристов устанавливаются».

Последнее предложение было подчёркнуто шариковой ручкой — один раз, ровно, без нажима. Аккуратная рука.

Дело закрыто.

Детектив Хауэр сложил газету обратно по тем же заломам и положил в ящик стола. Поверх газеты — папка. В папке: протоколы допроса Лены В., семьдесят две страницы, — она говорила долго и подробно, не останавливалась, не просила воды, отвечала на вопросы раньше, чем вопрос заканчивался. Фотографии с места — сто четырнадцать штук, он просматривал их трижды и каждый раз останавливался на одной и той же, сделанной внутри сгоревшего строения. Карта района с отмеченным маршрутом — маршрутом, которого не было ни на одной официальной карте, пока Лена не провела по нему пальцем прямо на бумаге, сидя напротив Хауэра в больничном халате поверх одежды.

Он закрыл ящик.

Рапорт об увольнении лежал на углу стола — уже подписанный, уже с входящим номером канцелярии. Завтра его заберут. Сегодня он ещё детектив, хотя, по правде, перестал им быть вчера — в тот момент, когда начальник отдела сказал ему: «Хауэр, дело закрыто» — и посмотрел при этом не на него, а в окно.

Хауэр взял папку, убрал в портфель. Потом подумал и убрал туда же газету.

На столе осталось только одно: фотография, распечатанная на обычной офисной бумаге, уже чуть помятая по краям. Не из папки — эту он распечатал сам, поздно вечером, когда в отделе никого не было. Кадр из фотоархива Лены В. — она снимала всё подряд, это было её привычкой, это в итоге и спасло её, потому что камера фиксировала то, чего она сама не успевала заметить.

На фотографии — лес. День, хорошее освещение, ничего примечательного: деревья, про-свет между стволами, дальний план чуть размыт. Лена снимала пейзаж — просто так, по при-вычке, не целясь особенно. Но в правом углу кадра, между двумя соснами, на расстоянии, которое камера едва взяла в фокус, — силуэт. Стоит неподвижно. Смотрит в объектив.

Хауэр знал, что это не животное.

Он знал, что в пожаре нашли двоих.

Их было трое.

Он взял фотографию, сложил пополам и убрал во внутренний карман пиджака. Встал, надел пальто, застегнул портфель.

Вышел, не оглядываясь.

Дело было закрыто.

Он — нет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДОРОГА

Глава 1. Четверо

Марк включил музыку, когда они выехали за пределы города — в тот момент, когда последний светофор остался позади и дорога открылась прямым серым языком между полями. Он всегда делал это именно так: не сразу, не с первых минут, а когда город окончательно отпустил. Какой-то личный ритуал, необъяснимый и устойчивый.

— Громче, — сказала Клара с заднего сиденья.

— Уже громко.

— Громче, чем громко.

Марк добавил звук. Клара вытянула ноги поперёк сиденья, положила голову на плечо Тома, закрыла глаза. Том сидел ровно, смотрел в окно, одна рука лежала на колене Клары — спокойно, привычно, как кладут руку на подлокотник кресла.

Лена сидела на переднем пассажирском сиденье и снимала.

Она снимала дорогу через лобовое стекло, потом повернулась и сняла Клару с закрытыми глазами, потом Тома в профиль, потом Марка — его руки на руле, тонкое обручальное кольцо, которое он не снимал даже в спортзале.

— Перестань меня снимать, — сказал Марк, не глядя на неё.

— Ты красивый.

— Именно поэтому перестань.

Лена опустила камеру на колени, но не убрала. Она никогда не убирала камеру далеко — держала в руках или вешала на шею, и даже когда не снимала, пальцы иногда сами находили корпус и сжимали его. Привычка настолько старая, что она её не замечала.

За окном поля сменились перелеском, перелесок — снова полями. Небо было белёсым, не пасмурным, но и не ясным — молоко без синевы, ровный рассеянный свет, который не даёт теней. Хорошая погода для дороги. Нейтральная.

— Сколько ехать? — спросила Клара, не открывая глаз.

— Часа три, — сказал Марк. — Может, три с половиной.

— А до реки от стоянки?

— Километра два пешком. Том, ты карту смотрел?

Том кивнул.

— Смотрел. Там тропа есть, нормальная. Выйдем прямо к воде.

— Я хочу на воду, — сказала Клара. — Я хочу лечь на берегу и не двигаться двое суток.

— Ты будешь двигаться, — сказал Том. — Ты никогда не лежишь спокойно дольше двадцати минут.

— В этот раз буду. Я решила.

Марк усмехнулся. Лена подняла камеру и сняла дорогу — просто так, без особой цели, потому что свет был интересный и асфальт блестел после ночного дождя. На экране камеры кадр выглядел лучше, чем в жизни: перспектива сжималась, дорога уходила в точку, по обе стороны тянулись деревья.

Навигатор на приборной панели мигнул.

Один раз — быстро, почти незаметно. Экран погас и тут же загорелся снова, маршрут остался прежним.

— Что это было? — спросила Лена.

— Что?

— Навигатор мигнул.

Марк взглянул на экран. Маршрут горел ровно, синяя линия тянулась без разрывов.
— Глюк, — сказал он. — Старый уже.

Лена посмотрела на экран ещё секунду. Потом отвернулась к окну.

Навигатор больше не мигал. Пока.

За окном деревья стояли плотнее — лес начинался постепенно, как всегда начинается что-то, к чему потом говоришь себе: вот здесь, именно здесь всё и началось. Но в тот момент это был просто лес. Просто деревья. Просто дорога.

Клара уснула — Лена слышала её ровное дыхание. Том по-прежнему смотрел в окно. Марк вёл машину уверенно, чуть откинувшись, левая рука на руле, правая на рычаге передач. Он любил дороги — это было видно по тому, как он расслаблялся за рулём, как будто здесь, в движении, он был точнее на своём месте, чем где-либо ещё.

Лена опустила камеру на колени и закрыла глаза.

Три часа. Может, три с половиной.

Впереди — река, берег, два дня без города. Она давно этого хотела. Они все давно этого хотели — план откладывался трижды, и вот наконец сложилось: все свободны, погода обещает держаться, машина собрана, палатка в багажнике, спальники, еда на три дня.

Всё сложилось.

Навигатор мигнул снова — дважды, коротко — и снова выровнялся.

Лена не видела: она дремала. Том видел, но промолчал. Марк заметил краем глаза, нахмурился на секунду и переключил музыку.

Глава 2. Последний город

Городок Берегвиль появился неожиданно — дорога шла через поля, поля сменились перелеском, перелесок закончился, и вдруг по обе стороны шоссе выросли дома. Не сразу много — сначала один, потом ещё два, потом заправка с пластиковым навесом и выцветшим логотипом на столбе.

Марк увидел её первым.

— Заправимся здесь. Дальше не знаю, когда будет следующая.

Он свернул к колонкам, не спрашивая остальных, — Марк всегда так делал, принимал решения раньше, чем успевал их обсудить, и обычно оказывался прав, что только укрепляло привычку. Гравий под колёсами похрустел, машина встала у ближней колонки.

Клара открыла дверь и вытянула ноги наружу — не выходя, просто вытянула, поставила кроссовки на гравий.

— Я выйду. Разомнусь.

— Сходи в туалет, — сказал Марк.

— Я и без тебя знаю.

— Я к тому, что другого случая может не быть.

Клара вышла, потянулась, — руки вверх, спина выгнулась дугой, позвонки хрустнули — и пошла к зданию заправки, маленькому, бетонному, с одним окном. Том вышел следом, молча, просто размять ноги.

Лена осталась сидеть.

Она смотрела в окно на заправку и думала ни о чём конкретном — просто смотрела, как смотришь в дороге на всё подряд, ни на чём не фокусируясь. Бетонное здание с облупившейся краской. Ржавый бак у стены. Старый рекламный щит, текст на котором выцвел до нечитаемости — остался только силуэт какого-то автомобиля и цифры, которые когда-то были ценой.

Заправщик вышел из будки, когда Марк уже стоял у колонки.

Лена увидела его сразу и почему-то не отвела взгляд — хотя смотреть было особенно не на что. Немолодой мужчина в синем рабочем комбинезоне, застёгнутом до самого горла, несмотря на тёплый день. Кепка с выцветшим логотипом той же заправочной сети, что на столбе. Движения медленные, но точные — не старческая неловкость, а скорее намеренная неторопливость человека, который давно перестал куда-то спешить.

Он подошёл к колонке, взял пистолет, вставил в бак. Всё это — не глядя на Марка, как будто тот был необязательной частью происходящего.

Лена смотрела на его лицо.

Левый глаз был мутным. Не закрытым, не стеклянным — именно мутным, как бывает мутным старое оконное стекло: свет проходит, но всё за ним теряет чёткость и форму. Правый глаз был ясным, карим, обычным. Этот контраст — одно живое, одно мутное — был неприятен каким-то животным, необъяснимым образом. Лена поймала себя на желании отвести взгляд и не отвела.

Заправщик смотрел на машину.

Не на Марка, не на колонку, не на цифры, которые накручивались на экране. На машину — методично, медленно, слева направо. Номерной знак. Бампер. Багажник, явно загруженный — контуры палатки читались даже через чехол. Боковые окна. Лена поняла вдруг, что он считает людей. Смотрит и считает.

Она почувствовала что-то неприятное — тихое, без паники, просто неприятное. Как бывает, когда в толпе вдруг ощущаешь чужой взгляд и не сразу понимаешь откуда.

Марк что-то сказал заправщику — она не слышала через стекло. Заправщик ответил — коротко, не повернув головы. Марк кивнул, достал телефон, начал что-то смотреть.

Потом заправщик повернулся к нему.

Лена видела его в профиль, потом почти в анфас — он стоял чуть развернувшись к Марку. Говорил. Негромко — Лена видела, как шевелятся губы, но не слышала слов. Марк поднял взгляд от телефона. Посмотрел на старика с тем выражением, которое бывает, когда тебе говорят что-то неожиданное, — не тревога, просто лёгкое удивление.

Потом усмехнулся.

Это Лена увидела хорошо — характерная усмешка Марка, правый угол рта, чуть поднятая бровь. Вежливое несогласие. Он что-то ответил, коротко. Заправщик не ответил — просто снял пистолет с бака, повесил обратно. Назвал сумму — Лена догадалась по тому, как Марк полез в карман за бумажником.

Вернулись Клара и Том. Клара несла из магазина пакет — что-то купила, шоколадку или воды, — Том шёл рядом, руки в карманах.

Марк сел в машину.

— Что он говорил? — спросила Лена.

— Кто?

— Заправщик. Я видела — вы разговаривали.

— А, — Марк тронул машину, выезжая с гравия на асфальт. — Дорогу советовал. Говорит, на развилке не ехать прямо. Только направо.

— Почему?

— Не объяснил. «Плохая дорога» — и всё. — Марк пожал плечами. — Старый просто. Местный, наверное, не любит, когда чужие едут через его лес.

— Его лес, — повторила Клара. — Это смешно.

— Вот именно.

Лена обернулась.

Заправка уже уходила назад — гравийная площадка, бетонное здание, ржавый бак у стены. Заправщик стоял там, где стоял — у колонки, не двигался. Смотрел им вслед. Обе руки опущены, кепка надвинута. Расстояние уже было приличным, но Лена всё равно видела — или думала, что видела — как он стоит и смотрит, ровно, неподвижно, пока машина не скрылась за поворотом.

Она отвернулась.

— Навигатор говорит через сорок минут развилка, — сказал Марк. — Поедем прямо, это сорок минут экономит.

— Старик сказал направо, — сказала Лена.

— Старик сказал «плохая дорога» без объяснений. Это не аргумент.

— Может, он знает что-то про эту дорогу.

— Или он просто старый, — сказал Марк. — Лена, навигатор — обновлённый, карты свежие. Доедем нормально.

Клара уже открыла шоколадку — разломила на четыре части, протянула вперёд.

— Мир? — сказала она.

Лена взяла кусок. Шоколад был тёплым от рук, слегка подтаявшим — сладким и обыкновенным.

Она жевала и смотрела на дорогу впереди.

Думала о старике у колонки. О мутном левом глазе. О том, как он считал людей в машине, методично, слева направо.

О том, как он стоял и смотрел им вслед — неподвижно, пока они не скрылись.

— Том, — сказала она. — Ты видел заправщика?

Том смотрел в окно.

— Видел.

— Что думаешь?

Пауза. Том не отвечал быстро — он вообще не отвечал быстро, это было его качество, которое одних раздражало, других успокаивало.

— Думаю, что он живёт здесь давно, — сказал Том наконец. — И говорил серьёзно.

— То есть?

— Он не болтал. Не страшилки рассказывал. Сказал конкретно: не прямо, направо. И больше ничего.

— Марк считает, что он просто старый, — сказала Лена.

— Слышу, — сказал Марк с переднего сиденья. — Я здесь сижу, между прочим.

— И что ты думаешь? — спросил Том у Марка, без интонации.

— Думаю, что сорок минут — это сорок минут. Мы едем на уикенд, а не в экспедицию. Доедем нормально.

Том кивнул. Снова отвернулся к окну.

Лена смотрела на дорогу. Поля по обе стороны, редкие деревья, облачное белёсое небо без теней. Всё обычное, всё знакомое.

Она потянулась к камере — подняла, посмотрела на дисплей. Фотографии последних минут: заправка, бетонное здание, гравий. Заправщик у колонки — она сняла, не заметив сама, рефлексивно.

Увеличила.

Старик смотрел в объектив. Прямо, без отклонения. Правый глаз — ясный. Левый — мутный, как старое стекло.

Между ними — расстояние и закрытое окно машины. Он не мог знать, что она его снимает.

Но смотрел точно в объектив.

Лена опустила камеру на колени. Смотрела на дорогу.

Навигатор ровно вёл их вперёд — синяя линия на экране, спокойная и уверенная. Через тридцать восемь минут — развилка.

Музыка играла.

Клара дожевала шоколад и снова закрыла глаза.

Всё было обычным. Всё было в порядке.

Лена держала камеру на коленях и думала о мутном глазе и о том, как старик стоял у колонки и не двигался, пока они не скрылись, — и заставляла себя не думать об этом, потому что Марк был прав: они едут на уикенд, сорок минут экономии, навигатор обновлённый.

Всё будет нормально.

Она почти верила в это.

Почти.

Глава 3. Развилка

Развилка была неприметной.

Никакого знака, никакого указателя — просто место, где дорога расходилась надвое. Правая уходила в сторону, огибая холм, — широкая, уверенная, с полосой разметки, стёртой, но различимой. Левая шла прямо, в лес — уже, темнее, без разметки.

Навигатор сказал: «Продолжайте движение прямо».

Марк продолжил движение прямо.

— Стоп, — сказал Том.

Марк не остановился — сбросил скорость, но не остановился.

— Том, навигатор—

— Я слышал навигатор. Остановись на секунду.

Марк остановил машину. Они стояли прямо на развилке, впереди уходила в лес прямая дорога, справа — более широкая, светлая. Том уже доставал карту — бумажную, сложенную вчетверо, он всегда брал с собой бумажную карту, это была его вещь, которую Марк всегда считал избыточной и никогда не говорил вслух.

Том развернул карту. Нашёл нужный квадрат. Провёл пальцем по маршруту.

— Смотри, — сказал он. — Вот трасса, по которой мы ехали. Вот развилка. — Палец остановился. — Правая дорога есть. Она обозначена. Называется грунтовая, но обозначена. Прямая — её нет.

— Карта старая, — сказал Марк.

— Карта этого года.

— Том, навигатор строил маршрут со свежими данными. Если он ведёт прямо — значит, дорога есть.

— Дорога физически есть, — сказал Том спокойно, — я её вижу. Я говорю, что её нет на карте. Это разные вещи.

Клара смотрела то на одного, то на другого — с тем выражением, с которым смотрят на спор, когда не собираются в него вмешиваться, но и уходить не могут.

Лена смотрела вперёд. На прямую дорогу. Она уходила в лес — узко, деревья по обе стороны стояли плотно, кроны почти смыкались над полотном дороги, образуя что-то вроде коридора. В глубине этого коридора дорога исчезала за поворотом, и за поворотом было темно — не совсем темно, лес просвечивался, но темнее, чем должно быть в середине дня.

— Старик говорил направо, — сказала Лена.

— Я помню, что говорил старик, — сказал Марк. — Он не объяснил почему. «Плохая дорога» — это не навигационная информация.

— Это информация от человека, который живёт здесь, — сказал Том.

— Том, мы экономим сорок минут. Сорок. Дорога есть, я её вижу, навигатор её видит. Всё нормально.

Том сложил карту. Убрал в боковой карман куртки — медленно, аккуратно, по линиям сгиба.

Это движение Лена запомнила — она не понимала тогда почему. Просто запомнила: как Том складывает карту, как убирает её, как смотрит потом вперёд, на прямую дорогу, — без злости, без спора, просто смотрит.

— Хорошо, — сказал он.

Марк тронул машину.

Они поехали прямо.

Первые несколько минут дорога была вполне обычной — грунтовая, колея от чьих-то старых шин, трава посередине. Деревья стояли близко, но не вплотную. Через просветы в кронах было видно небо — облачное, белёсое, то же самое, что и весь день.

Клара достала наушник — один, второй оставила на месте, это был её способ быть одновременно в разговоре и вне его. Начала листать телефон.

— Сети нет, — сказала она через минуту, не особенно удивившись.

— Бывает в лесу, — сказал Марк.

— Угу. — Она убрала телефон и уставилась в окно.

Лена достала камеру. Она всегда снимала в дороге — не конкретно, не прицельно, просто снимала: дорогу в лобовое стекло, деревья через боковое, спины едущих впереди — если кто-то едет, здесь никто не ехал. Она поднесла камеру к боковому окну и сняла несколько кадров — деревья проносились мимо, смазанные, сливающиеся.

Дорога сужалась.

Незаметно — не резко, а так, как сужается постепенно, шаг за шагом, и замечаешь только тогда, когда уже сузилась заметно. Колея теперь была одна — не две, а одна широкая, и по ней машина шла впритык. Ветки по бокам иногда задевали зеркала — тихий шорох по металлу.

— Асфальта уже нет, — сказала Клара.

— Грунтовка, — сказал Марк. — Нормально.

— Я не жалуясь. Просто говорю.

Лена смотрела на экран камеры. Снимала лес — он был красивым по-своему, в этой плотности и тишине было что-то почти правильное, природное. Она нажала кнопку. Ещё раз. Ещё.

На четвёртом кадре — она не сразу увидела.

Просматривала уже снятое, листала — и остановилась. Третий кадр. Дальний план, метров, может, восемьдесят от дороги, между соснами. Там было что-то вертикальное. Она увеличила — пальцами растянула изображение, пиксели поплыли. Вертикальное, с плечами, с характерным соотношением высоты и ширины, которое мозг немедленно и безошибочно считывает как человеческую фигуру.

Она смотрела на экран.

Силуэт стоял боком к дороге, чуть развёрнутый — не прямо, не в профиль. Неподвижный. Между ним и объективом было несколько рядов деревьев, и в этих рядах деревьев фигура почти терялась — почти, но не совсем.

Лена убрала палец от экрана. Посмотрела в боковое окно на лес. Деревья проносились мимо, одинаковые, серо-бурые стволы, подлесок, мох.

Ничего.

Она посмотрела на камеру снова. На кадр. На вертикальный силуэт между соснами, размытый, нечёткий.

Освещение, сказала она себе. Игра теней. Ствол дерева за другим стволом дерева, наложение перспективы, мозг видит фигуру, потому что мозг всегда ищет фигуры — это его работа, это называется парейдолия, это совершенно нормально.

Она перешла к следующему кадру.

Ничего. Просто лес.

Убрала камеру на колени.

— Красиво здесь, — сказала Клара. — Немного жутковато, но красиво.

— Жутковато — это твоё воображение, — сказал Марк.

— Марк, у меня нет воображения. Я технолог пищевого производства, у нас нет воображения по профессиональным показаниям.

— Тем более.

Клара фыркнула. Том смотрел в окно — туда же, куда смотрела Лена, на лес по правой стороне. Лена не видела его лица, только профиль, и ничего не могла прочитать по профилю, кроме того, что он смотрел внимательно.

— Том, — сказала Лена тихо.

— Да.

— Ты смотришь на что-то конкретное?

Пауза. Короткая.

— Нет, — сказал Том.

Лена не поняла — солгал или нет. С Томом это часто было непонятно: он говорил ровно в обоих случаях, и это было его качество, которое когда-то её раздражало, а потом перестало, потому что она поняла, что это не холодность, а что-то другое, у чего не было простого названия.

Деревья над дорогой сомкнулись плотнее — кроны переплелись, и дорога превратилась в коридор с зелёным сводом. Стало заметно темнее. Навигатор на телефоне Марка перестал обновляться — синяя точка застыла на месте, потом экран показал «Поиск сигнала».

— GPS потерял, — сказал Марк.

— Знаю, — сказал Том.

— Ненадолго. В лесу бывает.

— Знаю, — повторил Том.

Марк ехал медленнее — дорога требовала внимания, колея петляла, иногда перегораживали корни, выпирающие из земли. Скорость упала до двадцати, потом до пятнадцати.

Лена держала камеру в руках и не снимала.

Она думала о кадре. О вертикальном силуэте между соснами. О том, что мозг ищет фигуры, что это называется парейдолия, что это совершенно нормально.

Она думала об этом и смотрела на лес за окном — на деревья, на подлесок, на тени между стволами, которых становилось всё больше по мере того, как кроны смыкались над дорогой.

Потом она вспомнила кое-что ещё.

Она вспомнила заправщика. Как он стоял у колонки и смотрел им вслед, не двигаясь. Как он говорил Марку — коротко, серьёзно, без страшилок. Как выглядел его мутный левый глаз — не пустой, не слепой, а именно мутный, как будто видящий что-то другое, что-то, что обычные глаза не берут.

Направо, сказал он.

Только направо.

Лена подняла камеру. Навела на боковое окно. Нажала кнопку — не думая, просто нажала.

Опустила камеру. Не смотрела на экран.

Ехали молча.

Дорога сужалась дальше.

Клара убрала наушник — оба, убрала в карман и больше не доставала. Она смотрела вперёд, через лобовое стекло, на уходящую в лес колею. Музыка всё ещё играла — тихо, Марк убавил ещё раньше, и теперь она звучала почти неслышно, фоном. Потом Марк выключил её совсем — она не знала, зачем он это сделал, может, просто машинально.

Стало тихо.

Настолько тихо, что было слышно, как шуршат ветки по корпусу машины.

— Долго ещё? — спросила Клара.

— По прямой было около двенадцати километров, — сказал Марк. — Прошли, наверное, четыре. Восемь примерно.

— Восемь по такой дороге — это сколько времени?

— Минут тридцать-сорок.

Клара кивнула. Снова посмотрела в окно.

Лена наконец посмотрела на последний снятый кадр.

Она сделала снимок через боковое окно — лес, стволы, подлесок, тени. Обычный кадр, коридор деревьев, уходящих вглубь. Она начала увеличивать — методично, квадрат за квадратом, от края к центру.

В центре кадра, там, где тени были гуще — там, где три сосны стояли так близко, что их стволы почти сливались — она нашла его снова.

Силуэт.

Тот же. Вертикальный, с плечами, в той же позе — боком, чуть развёрнутый. На этот раз ближе — метров пятьдесят, не восемьдесят. И на этот раз — она была почти уверена, почти — силуэт был повернут к дороге. К машине.

Она смотрела на экран.

Потом закрыла галерею. Убрала камеру в рюкзак — не на колени, а именно в рюкзак, под застёжку, как убирают вещь, которую не хотят доставать снова.

Показалось, сказала она себе.

Второй раз подряд показалось. Это бывает — когда один раз увидел что-то, мозг начинает искать это снова и находит там, где ничего нет. Это тоже нормально, это называется поиск паттерна, это эволюционный механизм, это не значит ничего.

— Том, — сказала она.

— Да.

Она помолчала секунду.

— Ничего, — сказала она. — Неважно.

Том не ответил. Смотрел в окно.

Машина ехала по лесной дороге, медленно, осторожно. Ветки шуршали по металлу. Кроны смыкались над головой. Где-то впереди, за несколькими поворотами, должен был кончиться лес и начаться нормальная дорога — навигатор так и говорил, когда работал.

Лена смотрела перед собой и не думала о фотографиях.

Почти не думала.

Лес стоял вокруг — плотный, тёмный, тихий. Такой тихий, что она поняла вдруг: за всё время, что они ехали по этой дороге, она не слышала птиц. Ни одной. Только ветки по корпусу машины и двигатель, приглушённый, на малых оборотах.

Она не сказала об этом вслух.

Просто ехала.

Глава 4. Машина

Двигатель чихнул в третий раз и замолчал окончательно. Не с тем надрывным кашлем, когда ещё есть надежда, а с глухой, уверенной тишиной, которая звучит громче любого крика.

Марк выругался. Тихо, без злости — скорее по привычке, как говорят «ой», когда споткнулись на ровном месте. Он посидел секунду, будто ждал, что мотор одумается и заведётся сам. Потом дёрнул ручник, вышел и хлопнул дверью чуть сильнее, чем нужно.

Лена смотрела, как он идёт к капоту. Марк всегда выходил так — уверенно, будто знал, что сейчас откроет, увидит одну маленькую деталь, щёлкнет ею, и всё снова заработает. Эта уверенность была почти заразной. Почти.

Клара открыла дверь, но не вышла — просто высунулась наружу, будто проверяя, безопасно ли покидать машину.

— Ну что там? — крикнула она.

— Сейчас посмотрим.

Том вышел спокойно, без спешки. Огляделся. Не на машину, не на Марка, а на лес вокруг. На ту самую тишину, в которой не было ни птиц, ни ветра, только их собственные шаги по гравию и хруст веток.

— Топливный насос, — сказал Марк, подняв капот. — Я его уже менял. Он либо устал, либо... — он не договорил.

— Либо что? — Клара наконец вылезла, встала рядом с Томом.

— Либо это не совпадение, — буркнул Марк и тут же поморщился, будто сам себе не понравился. — Нет, забудь. Просто насос.

Но Лена видела: он не верил в «просто насос». Видела по тому, как он постучал по корпусу, как посмотрел внутрь, будто искал там не поломку, а ответ на вопрос, который не решался задать вслух.

— Связи нет, — сказала Клара, помахав телефоном. — Вообще ноль. Ни сети, ни GPS.

— Я заметил, — Марк захлопнул капот. Звук получился слишком громким, как будто он хотел перекрыть тишину леса.

Они стояли вокруг машины, как вокруг чего-то, что ещё недавно было спасением, а теперь стало просто куском металла.

— Что делаем? — голос Клары дрогнул, но она тут же закашлялась, чтобы скрыть это.

— Ждём, — сказал Марк. — Может, кто-то проедет.

— Кто тут проедет? — Том кивнул на дорогу, которая уходила в лес и исчезала за поворотом. — Тут даже следов почти нет. Только наши.

— Тогда идём, — Клара сказала это быстро, будто если сказать быстро, то страх не успеет прицепиться. — Идём вперёд. Там трасса. Там люди.

— Назад тоже можно, — возразил Марк. — Там город. Там заправка.

— И старик с мутным глазом, — тихо добавила Лена.

Все посмотрели на неё.

— Прости, — она пожала плечами. — Просто... он стоял и смотрел. До последнего.

— Он просто местный, — Марк снова попытался вернуть уверенность в голос. — Они тут все такие. Смотрят. Это ничего не значит.

— Значит, — спокойно сказал Том. — Он знал, что мы поедем прямо. И знал, что тут будет вот это. — Он обвёл рукой машину, лес, тишину.

На секунду стало так тихо, что Лена услышала, как у неё в рюкзаке щёлкнула застёжка — она сама не заметила, что теребила её.

— Сколько до трассы? — спросила она у Тома.

Тот достал карту. Развернул. Пальцем провёл по линии, потом по краю, потом снова по линии.

— По прямой, если верить этому маршруту, — четыре километра вперёд. Назад, к городу, — около восьми.

— Четыре лучше, чем восемь, — Клара уже закинула рюкзак на плечи, будто этим движением решила всё за них.

— Мы не знаем, что там, — Марк посмотрел на лес, как будто деревья могли ему что-то ответить.

— А здесь мы знаем? — Том сложил карту и убрал её. — Здесь у нас машина, которая не заводится, и телефон, который не ловит.

Марк помолчал. Потом кивнул.

— Ладно. Берём самое нужное. Вода, еда на два дня, фонарики. И идём.

Они собирали вещи быстро, но без суеты — каждый тянулся к своему, привычному: Клара к термосу, Том к ножу на поясе, Марк к аптечке, которую всегда держал под сиденьем. Лена взяла камеру. Не потому, что хотела снимать, а потому, что без неё чувствовала себя как без очков — будто мир становился чуть менее чётким.

Когда всё было готово, Марк подошёл к машине. Остановился у водительской двери. Помедлил секунду. Потом достал ключи и закрыл машину на ключ. Щёлчок прозвучал странно — будто он запирает не автомобиль, а что-то большее, что-то, что уже не имело смысла запира-ть.

— Это рефлекс, — сказал он, заметив взгляд Лены. — Просто рефлекс.

Она не ответила. Просто кивнула.

Они пошли. Сначала по дороге, потом, когда колея исчезла, по тропе, которую Том нашёл по едва заметным признакам: сломанная ветка, примятая трава, камень, вывернутый из земли.

Лена шла последней. Она всё время оглядывалась. Сначала на машину — та стояла среди деревьев, серая, чужая, как забытая игрушка. Потом просто на дорогу, на поворот, за которым машина скрылась.

И только когда она перестала видеть даже поворот, Лена поняла, что они уже не вернутся. Не сегодня. Может, вообще никогда.

Тропа становилась уже. Деревья подступали ближе. Тени ложились на землю плотными пятнами, и в этих пятнах Лена всё время видела движение — не то чтобы фигуры, а просто что-то, что мелькнуло и исчезло. Она не останавливалась, не вглядывалась. Просто шла.

Камера висела на шее, холодная и тяжёлая. Лена потрогала её пальцами — так, как тро-гают что-то надёжное, чтобы убедиться, что оно на месте.

— Лена, — Том шёл впереди, но обернулся. — Ты в порядке?

— Да, — она кивнула. — Просто... тут очень тихо.

— Знаю, — он посмотрел на лес, будто хотел выжать из него хоть какой-то звук. — Но это нормально. Иногда лес молчит.

«Иногда», — подумала Лена. Но не сказала вслух.

Клара шла впереди, рядом с Марком. Она говорила что-то, смеялась, но смех звучал натянуто, как резинка, которую слишком сильно растянули. Марк кивал, отвечал, но Лена видела, что он тоже прислушивается. Не к Кларе, а к тишине. К тому, что прячется за ней.

Глава 5. Лес

Первый час шёл почти спокойно — будто всё ещё можно было убедить себя, что это просто поход, просто задержка из-за машины, и впереди точно есть трасса, люди, связь, нормальная жизнь.

Клара болтала, чтобы не молчать. Она всегда так делала, когда тишина начинала давить: говорила про мошек, про мороженое в парке, про то, как однажды в детстве заблудилась между киоском с газировкой и каруселью и до сих пор помнит, как пахло жареной кукурузой и пылью. Марк кивал, иногда вставлял короткое «ага» или «ну да», но чаще просто шёл вперёд, будто если он будет идти достаточно уверенно, лес сам расступится. Том шагал ровно, без лишних движений, смотрел не под ноги, а чуть дальше, туда, где тропа делала поворот, где деревья стояли плотнее, где тени ложились иначе.

Лена шла следом, держа камеру наготове, но не снимая. Просто пальцы лежали на корпусе, как на поручне в тёмном коридоре: если держаться, не так страшно. Время от времени она всё-таки нажимала кнопку — не ради искусства, а ради привычки, ради того, чтобы зафиксировать, что они ещё здесь, что они идут, что всё пока по плану. Снимала Клару, которая на секунду переставала болтать и делала вид, что позирует, хотя на самом деле просто хотела убедиться, что выглядит нормально. Снимала спину Тома — широкие плечи, лямки рюкзака, спокойную уверенность в каждом шаге. Снимала дорогу: корни, выступающие из земли, как старые жилы, камни, присыпанные хвоей, сломанные ветки, лежащие так, будто их кто-то специально уложил поперёк тропы.

Сделала ещё один кадр — просто в сторону, не целясь. Потом ещё. Ей казалось, что если снимать достаточно много, лес станет обычным. Просто лес. Просто деревья. Просто тени.

Они остановились на привал у большого камня, наполовину вросшего в землю, будто его сюда не принесло водой, а он сам вырос из почвы. Клара села первой, вытянула ноги, сняла один кроссовок и потрясла им, будто оттуда могла высыпаться усталость. Марк присел рядом, достал батончик, отломил половину и протянул Кларе. Она взяла, но не съела сразу — держала в руке, как будто ждала какого-то сигнала.

Том отошёл на пару шагов, наклонился и поднял что-то с земли. Лена заметила краем глаза: ржавый металл, тёмный от времени, с маленькой дырой в боку. Он повертел это в руке секунду, не разглядывая, будто проверял вес, потом просто отвлёл руку и отбросил в сторону, в подлесок.

— Что это? — спросила Клара.

— Банка, — сказал Том. — Старая.

— От чего?

— Не знаю.

Он не стал поднимать её снова, не стал крутить в руках, чтобы рассмотреть ржавчину или дырку. Просто отбросил, как выбрасывают мусор, который не хочется трогать.

Лена посмотрела туда, куда он бросил. В густой траве что-то тускло блеснуло, но уже через пару секунд скрылось из виду. Ей вдруг захотелось спросить: «Почему ты её не оставил?», будто старая банка могла быть доказательством, что тут кто-то был до них, что они не одни в этом лесу. Но она не спросила. Потому что поняла: Том отбросил её именно потому, что не хотел никаких доказательств. Он знал, что доказательства — это не ржавые банки, а тишина, в которой не слышно птиц, и тропа, которая петляет, будто сама не знает, куда ведёт.

— Пойдём? — Том уже стоял, готовый идти дальше.

— Да, — Марк встал первым, будто обрадовался, что можно снова двигаться. — Ещё немного.

Тропа стала уже, корни выступали из земли, как пальцы, пытающиеся схватить за ногу. Клара шла теперь ближе к Тому, будто его спокойствие было чем-то вроде перил, за которые можно держаться. Лена шла последней, оглядываясь чаще, чем раньше. Не потому, что видела что-то конкретное, а потому, что лес начал казаться ей не пустым — он был полон чего-то, чего она не могла назвать, но чувствовала кожей.

— Слышите? — вдруг сказала Клара, останавливаясь так резко, что Марк едва не врезался в неё.

Все замерли. Даже лес будто задержал дыхание.

— Там, — Клара махнула рукой в сторону, где деревья стояли плотнее, где кроны смыкались, и свет пробивался сквозь них редкими пятнами. — Хруст. Как ветка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.